

Не преставайте къ обычной молитвѣ: не имамы инья помощи, развѣ Тебе, Владычице,—прибавлять и слѣдующія слова: на Тебе надѣмся и Тобою хвалимся. Эта похвала Богородицею какъ бы сжилась и срослась съ Казанью. А потому и граждане ея и всѣ вообще жители и обитательницы ея не только не должны отклоняться отъ Богородицы, но все болѣе и болѣе любить и прославлять Ее и тѣмъ скрашивать нашу скудость, о которой могу сказать еще слѣдующее. Любвеобильный Господь, какъ Премудрый Домовладыка, сѣетъ на землѣхъ многоразличныя добрыя сѣмена Свои, ибо всякъ даръ совершенъ свыше есть, но вездѣ среди добрыхъ произрастаній Божіихъ являюся и плевелы, о которыхъ Господь говорилъ, что ихъ врагъ насадилъ.

Посему, не только не должно способствовать разсадѣ всякихъ плевелъ, но нужно и вырывать ихъ, полоть по мѣрѣ возможности каждаго, и тогда все въ мірѣ будетъ чистою Божіею пшеницею, а оставшіеся плевелы Самъ Господь чрезъ Ангеловъ Своихъ сожжетъ огнемъ неугасаемымъ, гдѣ будетъ плачь и скрежетъ зубовъ. Аминь.

Р Ѣ Ч Ъ,

сказанная Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Никаноромъ, Архіепископомъ Казанскимъ и Свіяжскимъ, 13 мая 1908 года въ Казанской Инородческой Учительской Семинаріи.

Помянухъ дни древнія и поучихся.

Вотъ какое старое слово Писанія приходится сказать мнѣ, присутствуя здѣсь на старомъ мѣстѣ моего молодого служенія, въ этомъ святомъ храмѣ и въ этомъ прекрасномъ учебномъ заведеніи, воспитывающемъ многихъ инородческихъ дѣтей народа, чтобы они понесли въ свои деревни и села свѣтъ Христовъ, просвѣщающій всѣхъ людей всего міра.

Въ такомъ широкомъ, міровомъ представленіи воспитанія встарину велось здѣсь дѣло просвѣщенія будущихъ народныхъ учителей. И соучаствуя пять лѣтъ въ сотрудицествѣ приснопамятнаго Николая Ивановича Ильминскаго, я ни разу не слыхалъ, чтобы здѣсь кто либо величался тѣмъ, что онъ русскій, татаринъ, или уничижался тѣмъ, что онъ черемисинъ, чувашинъ. Мордва, буряты, вотяки, чуваша—все это были милые люди наши, свои родные, которые тогда пѣли Господу на своихъ языкахъ, но молились всѣ единодушно вкупѣ, единымъ сердцемъ слава Бога—Единого всѣхъ Отца, Спасителя и Утѣшителя Духа. Какъ добрый пастырь, блаженной памяти Николай Ивановичъ всегда здѣсь предстоялъ предъ своими агнцами, а я предъ Престоломъ Божиимъ, радостно, лигуя по всякому поводу того или инаго воспитательнаго и просвѣтительнаго успѣха. Были, конечно, и рѣзкія исключенія изъ общаго добраго воспитательнаго настроенія, но они рѣзко и карались, но не начальственными распоряженіями только, а и общимъ осужденіемъ всего состава учащихъ и учащихся. Это была нормальная жизнь нормальнаго организма, который болѣлъ весь, когда въ немъ оказывался пораженнымъ или зараженнымъ болѣзнію одинъ. И вотъ, этотъ живой и естественный организмъ, или, самъ весь страдая, переносилъ съ сердечною болью и тоскою эту болѣзнь, или изгонялъ ее естественно, какъ отпадаетъ прилипчивая чужая короста и всякая заносная нечистота. Здѣсь тогда какъ бы всѣ разумѣли, что нужно изъять злаго отъ насъ самихъ. Но вездѣ и во всемъ болѣлъ болѣе всѣхъ Николай Ивановичъ. Собесѣдовательный и общительный вообще, онъ становился молчаливымъ. Всегда приходившій на молитву раньше другихъ, онъ становился еще прилежнѣе. Видимо, онъ твердо надѣялся на слово Писанія: возверзи печаль твою на Господа и Онъ успокоитъ тебя. И всѣ не могли не слѣдовать за нимъ, ибо это была добрая, воспитательная семья, которая еще усугублялась тѣмъ, что въ ней были три и даже четыре родственныя лица, изъ кото-

рыхъ одни опочили среди непрерывныхъ трудовъ своихъ, а другія подвизаются съ честію и славою многою, во многомъ обязанные энтузіазму и широтѣ взглядовъ основателя этой почтенной школы, не только учениковъ, но и сподвижниковъ, изъ нихъ же не первый есмь азъ, ибо многіе болѣе меня здѣсь потрудились и болѣе получили отъ спеціальныхъ трудовъ своихъ. Да воздастъ имъ Господь во время свое. Наипаче же да упокоитъ Онъ въ селеніяхъ Своихъ многопечительную и многообъемлющую душу истиннаго и преданнѣйшаго раба Своего Николая, который, не щадя себя, обычно молился и трудился даже тогда, когда весь преутруженный сталъ, ослабѣвъ всѣми членами своего тѣла и особенно его внутренностями, незримо, но неудержимо разрушавшими нѣжную структуру всего его существа.

Повидимому, его давно не стало, но его духъ долженъ жить здѣсь вѣковѣчно, и слава о немъ, соединенная съ молитвами, должна быть изъ рода въ родъ, ибо не тщетно сказано: въ память вѣчную будетъ праведникъ и отъ слуха зла не убоится. Посему и вы, преемники силы и духа его, не удивляйтесь и не ужасайтесь, если будутъ нападать на васъ или ту добрую систему воспитанія и образованія инородцевъ, виднѣйшимъ представителемъ которой былъ достойный памяти Николай Ивановичъ Ильминскій. Особенно не должно смущаться злыми рѣчами современныхъ писателей, дерзко порицающихъ всѣхъ и все. Таковъ у нихъ уже стиль писанія въ духѣ времени, ибо они часто невѣдятъ, что говорятъ, такъ какъ головокружительное теченіе обстоятельствъ не даетъ имъ возможности и силъ на чемъ либо сосредотиться, а тѣмъ болѣе поработать практически. Основоположитель же сей школы много и думалъ, много и работалъ, и притомъ въ многоразличныхъ сферахъ бытія и жизни, особенно просвѣтительной, какъ бывшій профессоръ Духовной Академіи и Университета, еще болѣе, какъ практикъ—идеально-реальный. Да, было чему тогда поучиться. Но учиться никогда не поздно, а

потому, присутствуя здѣсь, можно паки и паки сказать: по-
манухъ дни древнія и поучихся. Аминь.

„Основные мотивы творчества М. Горькаго“.¹⁾

Проводятъ параллель между Горькимъ и Ницше. Конечно, кое-что общее есть: та же ненависть ко всякимъ авторитетамъ, то же презрѣніе ко всему слабому, приниженному, и отсюда отрицаніе состраданія и жалости къ другому, та же проповѣдь личной свободы и независимости, то же обоженіе человѣка. Но между ними и глубокое различіе. Ницше чистѣйшій индивидуалистъ; это, такъ сказать, „аристократъ индивидуализма“, грубо презирающій массу народа. По мнѣнію Ницше, „имморальность человѣка будущаго, сверхъ—человѣка, должна быть достояніемъ только небольшого числа высшихъ существъ, которыя составятъ изъ себя аристократическую касту и явятся высшимъ цвѣтомъ и смысломъ земли. Но на ряду съ ними будетъ существовать и высшая каста: это-та безцвѣтная толпа посредственностей, на счетъ которой будетъ жить высшая каста; для этихъ людей нужна и религіозная вѣра, и опредѣленная скрижаль моральныхъ цѣнностей и мечты о потустороннемъ; но больше всего имъ нужно подчиненіе чужой воли, рабская покорность властвующимъ надъ ними аристократамъ. Это-рабы, существующіе только для того, чтобы пресмыкаться предъ высшими классами и исполнять черную работу въ области земледѣлія, промышленности и, пожалуй, даже въ наукѣ и искусствѣ. Единственный законъ для нихъ—воля господина, созидающаго жизнь“ („Достоевскій и Ницше“. Проф. А. В. Смирнова стр. 25).

Горькій же постольку индивидуалистъ, поскольку это нужно въ цѣляхъ будущаго соціалистическаго строя для отрицанія всѣхъ исторически нажитыхъ традицій и преданій, мѣшающихъ этому будущему. Онъ говоритъ не только о томъ, что даетъ человѣку права на автономію, но и о томъ, что собственно даетъ окружающему такую власть надъ нимъ. Чѣмъ оно выше его? Переоцѣнивъ это окружающее, онъ пы-

¹⁾ Окончаніе. См. № 23—24, 25.